

Орлова М.В.
аспирант ИВ РАН

КИТАЙСКИЕ ДИАСПОРЫ В ИНДОНЕЗИИ И МАЛАЙЗИИ

На протяжении почти всей истории существования китайской общины в Индонезии, в ее руках практически полностью сосредоточены торговля и сфера услуг, а также некоторые позиции в горнодобывающей и обрабатывающей промышленности, плантационном хозяйстве (это обусловлено тем, что этнические китайцы используют более передовую технику и технологии, в отличие от традиционных индонезийских методов предпринимательской деятельности, они были лучше подготовлены к глобализации и соответственно к использованию ее).

Недаром, составляя всего до 4% населения Индонезии, китайская община контролирует 73% экономики страны, 68% из 300 наиболее крупных конгломератов и 9 из 10 крупнейших финансовых групп¹.

Власти Индонезии по отношению к китайскому меньшинству, всегда применяли политику «разделяй и властвуй», используя дифференцированный подход к китайцам, в зависимости от их социально-экономического положения, гражданского статуса, политических взглядов и др.

Так, период правления президента Сухарто (режим «Нового порядка» 1966-1998 гг.) стал золотым для некоторых видных китайских бизнесменов, которые были друзьями президента. Самые нужные из них получили монополии на импорт, эксклюзивные права на производство и сбыт продовольственных товаров, огромные правительственные контракты на поставки для армии. Все это привело к появлению среди них звезд первой величины на небосклоне бизнеса. Сегодня имена этих китайцев-миллиардеров появляются в разнообразных списках, например, «Самые богатые люди Азии» и т.п.

Но для основной массы китайской общины, «Новый порядок» стал величайшим бедствием. В 1967 г. правящий режим принял ряд дискриминационных положений в отношении китайского меньшинства (некоторые из которых действовали до недавнего времени).

Развернулась широкая антикитайская кампания. Особое место отводилось курсу на принудительную ассимиляцию китайцев, которую власти называли «интеграцией». Одним из аспектов интеграции являлась замена китайских имен на индонезийские (инструкция №127²). Проводились мероприятия по ограничению изучения и использования китайской общиной своего родного языка. В апреле 1966 г. распоряжением министра просвещения Индонезии были закрыты китайские школы во многих районах страны. Свыше двух лет дети китайцев не имели возможности учиться. В государственных и частных школах, где им рекомендовалось продолжать образование после закрытия китайских школ, места для них не были зарезервированы, преимущество отдавалось детям коренного некитайского населения.

Были строго запрещены вывески на магазинах, учреждениях и т. п. на китайском языке и с китайской символикой (циркуляр №02 от 1988 г.). Осуществлялись жесткие меры против ввоза китайской литературы, хотя она и проникала в Индонезию нелегальным путем. Этническим китайцам был закрыт доступ на службу в учреждениях государственного аппарата и армии, лимитирован их прием в государственные вузы. Они испытывали ряд ограничений религиозного характера, а также в сфере культуры. Инструкция президента Индонезии Сухарто № 14 от 6.12.1967 г. запрещала проведение ряда китайских традиционных церемоний и празднеств на территории Индонезии. Религиозные и традиционные китайские праздники разрешалось отмечать только в кругу семьи и так, чтобы это «не бросалось в глаза общественности». Не последнее место в насильственной интеграции китайского населения занимала исламизация китайцев. И это несмотря на Закон № 5 от 1969 г., который признавал конфуцианство религией Индонезии наряду с исламом, христианством, индуизмом и буддизмом. Ислам приняла лишь незначительная часть китайской общины³.

Если говорить о межэтнических браках, то официально они не были запрещены. Основным барьером, препятствующим бракам между местными и китайским населением, является разница в конфессиональной принадлежности. Лишь при условии общего вероисповедания (чаще всего христианского) за-

ключаются смешанные браки, но они не приветствуются ни китайской общиной, ни индонезийцами.

Но индонезийские власти, конечно, хорошо понимали, да и сейчас понимают, что экономическую гегемонию китайцев невозможно уничтожить репрессиями, поэтому предпринимались меры для вовлечения китайского капитала в осуществление проектов правящей элиты. От китайцев требовали регулярных взносов во всякого рода внебюджетные фонды, финансовых вливаний в государственные предприятия, материальной поддержки социальных проектов, высокой активности в тех отраслях, которые считались приоритетными для улучшения экономической атмосферы в стране.

Однако, фантастический рост китайских бизнес-империй, который наибольшим образом проявился в период правления президента Сухарто, в некотором смысле повышал их экономическую независимость от властей. В 1990 г. на долю одного из крупнейших конгломератов Salim Group приходилось порядка 5% ВВП Индонезии⁴. Компании, принадлежащие Salim Group или тесно связанные с ней, занимались буквально всем от производства электроники до строительства. В настоящее время Судано Салим (глава Salim Group) занимает 4 место в списке 150 самых состоятельных людей Индонезии. Его состояние на 2006 г. оценивалось в 2,8 млрд. долларов.

В список самых богатых людей Индонезии также входит Роберт Буди Хартоно (глава Djagung Group), его компания занимает сильные позиции в банковской сфере и в сигаретном бизнесе. Djagung – одна из самых популярных марок сигарет с звездикой в Индонезии. Состояние Р. Буди Хартоно на начало 2007 г. составляло 4.2 млрд. долларов⁵.

Еще один процветающий конгломерат Ciputra Group был основан в 1981 г. и выступал девелопером ряда строений аэропорта Джакарты. В 1984 г. компания начала реализацию своего первого проекта - строительства на тот момент крупнейшего жилого комплекса Индонезии Perumahan Citra. Сейчас Ciputra Group реализует проекты во всех крупных городах Индонезии и является одним из ведущих индонезийских девелоперов, специализируясь на строительстве коттеджных поселков, офисных и торговых центров, гостиниц и рекреационных центров⁶. Бла-

годаря Чипутра в индонезийском городе Манадо (где преобладает христианское население) установлена одна из самых высоких статуй Иисуса Христа. Изготовление статуи обошлось в 540 тысяч долларов и заняло почти три года⁷.

В подобной ситуации «чужаки»- китайцы и их собственность, особенно во времена экономических трудностей и кризисов, становятся в Индонезии мишенями для погромов. В мае 1998 г., когда режим президента Сухарто уже шел к позорному концу, начались самые крупные беспорядки, немотивированные погромы, поджоги, убийства китайцев следовали одно за другим.

Тогда информационные агентства сообщили о погромах как минимум в 15 городах по всему архипелагу. Индонезийцы были возмущены ростом цен на основные продукты питания (рис, мука, сахар, растительное масло). Они фактически стали недоступными рядовым гражданам. Гнев масс был направлен на торговцев, которых обвиняли в спекуляции и создании товарного дефицита⁸. А розничная и оптовая торговля в Индонезии контролируется этническими китайцами. Так уж сложилось, что в этой сфере им практически нет равных.

Учинение массовых беспорядков носило в основном спонтанный характер, но в Human Rights Watch* полагают, что военные и правительственные чиновники способствовали антикитайским настроениям, не сумев (или не пожелав) объяснить, что высокие цены и недостаток продуктов не являются результатом злого умысла розничных торговцев. Прямых доказательств о замешанности правительства в беспорядках не было, в охваченные насилием зоны оперативно направили войска и арестовали зачинщиков. Однако некоторые высокопоставленные чиновники поддерживали антикитайские настроения. Они не только не сочувствовали жертвам, не пытались объяснить общественности причины и последствия кризиса, но даже в некоторых случаях стремились переложить вину за экономический кризис на известных членов китайской общины. Например, 14 января 1998 г. глава вооруженных сил Индонезии

* Human Rights Watch - Международная независимая неправительственная правозащитная организация.

на пресс конференции призвал владельцев 13 крупнейших конгломератов вернуть свои капиталы из заграницы и перевести их в рупии. Нигде не упоминалось слово «китаец», но призыв был явным обвинением в том, что богатые китайцы способствовали валютному кризису, удерживая доллары за границей.

12-15 мая 1998 г. в Джакарте в результате беспорядков и китайских погромов погибли более 1200 человек, были сожжены и разграблены около 8 тысяч жилых домов, офисов, предприятий, учреждений, магазинов, принадлежавших, главным образом, индонезийским китайцам⁹.

В период с 13 по 20 мая Индонезию покинули более 150 тысяч китайцев. По оценке индонезийских финансистов, китайцы перевели более 20 млрд. долларов США в банки Гонконга, Тайваня, Китая, Сингапура¹⁰.

Антисухартовские настроения и массовые беспорядки в стране, в конце концов, вынудили президента Сухарто 21 мая 1998 г. уйти в отставку, сдав свои полномочия вице-президенту Б.Ю. Хабиби.

Нужно признать, что после свержения Сухарто индонезийские власти пытались принять меры по преодолению авторитарного наследия. К процессу возврата этнических китайцев подключились правительство, руководители партий и общественных организаций. Местные китайцы получили право отмечать свои традиционные праздники. Дискриминационный закон 1967 г., который запрещал публичное проявление характерных черт китайской культуры и религии, был отменен в 2002 г. А в 2003 Индонезия впервые официально отмечала «китайский» Новый год (Имлек). В соответствии с новым статутом, праздничный день стал выходным для индонезийских граждан всех национальностей и вероисповеданий¹¹. Это, безусловно, положительный сдвиг в отношении к китайской общине. Удручает другое, администрация Б. Хабиби не сделала ничего, чтобы найти и наказать инициаторов и исполнителей погромов, что косвенно свидетельствовало о том, что за кровопролитными столкновениями стояли националистические группировки, связанные с силовыми ведомствами и высшими эшелонами власти. А курс правительства Б. Хабиби на «индо-

незиацию» всей цепочки снабжения населения продовольствием, поддержку кооперативов «коренного» мелкого и среднего бизнеса вынудил многих китайцев свернуть деловые операции в Индонезии¹².

Однако эта дискриминация не подорвала доминирующих позиций этнических китайцев в бизнесе и финансах. Способность выжить в подобной враждебной среде как раз и является отличительной особенностью китайского этноса.

По сей день, миллионы индонезийцев работают на китайцев, и почти никто из китайцев не работает на индонезийцев. За вычетом горстки коррумпированных политиков все индонезийские миллиардеры – китайского происхождения.

Неудивительно, что ухудшение экономического положения в стране ассоциируется у простых индонезийцев с образом китайца-финансиста, китайца-торговца, китайца-работодателя. Так что их враждебная реакция вполне предсказуема.

А вот курс, провозглашенный правительством на равные возможности для всех национальностей и конфессий, с трудом прокладывает себе путь. Чиновники проявляют нерешительность в заверении китайцев в том, что они получают равные права, и допускают различные формы дискриминации.

Существуют разные точки зрения на решение китайской проблемы в Индонезии. Одни ученые отвергают возможность полной ассимиляции китайцев в Индонезии, не без основания считая, что хотя культурные контакты двух групп населения происходят веками, и следы влияния китайской культуры на местные этнические культуры прослеживаются повсюду, они никогда не станут полноправными членами индонезийского общества, частью этой многонациональной семьи.

В то же время некоторые другие исследователи полагают, что отношения между индонезийским населением и китайским меньшинством станут более мирными. Но для этого необходимо коренное улучшение экономического положения, выравнивание благосостояния. В этой связи возникают аналогии с Новой экономической политикой Малайзии, которую межэтнические столкновения в 1969 г. поставили на грань национальной катастрофы, после чего была принята программа вовлечения

коренных жителей-малайцев в предпринимательскую деятельность.

Благодаря мудрой политике малайзийского лидера (Махатхира Мохамеда) накал традиционно сильных для Юго-Восточной Азии антикитайских настроений, в его стране был практически нейтрализован. НЭП была рассчитана только на 20 лет. За это время необходимо было добиться некоторых четко определенных целей, включая и новые пропорции распределения «экономического пирога». Несмотря на то, что малайцы составляли 56% населения, их доля в национальном богатстве страны, составлявшая 2,4%, должна была увеличиться лишь до 30%. В то же самое время, доля немалайцев должна была вырасти с 34,3% до 40%, а доля иностранцев – уменьшиться с 63.3% до 30%.

НЭП заставила каждого бизнесмена в Малайзии выучить, по крайней мере, одно слово на малайском языке – *bumiputra*. Буквально, оно означает «сын земли», однако в принципе является названием мусульманских малайцев, составляющих более половины населения страны, и пользующихся большими льготами по сравнению с этническими китайскими и индийскими меньшинствами Малайзии. Университеты резервировали места для *bumiputra*, повсеместно выделялись займы и помещения, создавались условия для ведения бизнеса, предоставлялись всякого рода льготы, которые ранее было практически невозможно получить. Всем малайцам через инвестиционные фонды выделялись акции компаний, подвергавшихся реструктуризации. Тем малайцам, кто располагал средствами, предоставлялись возможности для инвестирования в крупные деловые предприятия или создания собственных компаний. Нет ни одного малайца, который мог бы, положив руку на сердце, сказать, что НЭП не принес ему абсолютно никаких выгод.

Такая политика смогла добиться перераспределения национального дохода в пользу коренного населения. Был сформирован не существовавший до этого класс средних предпринимателей-малайцев в целях уравновешивания доминирующей роли китайцев в экономике.

НЭП не сводился к простому распределению национального богатства страны среди малайцев. Эта политика должна была привести к тому, чтобы распределение богатства среди малайцев было примерно таким же, как и среди немалайцев. Одно лишь богатство без умения распорядиться им – недолговечно. Целью НЭПа было добиться активного и реального участия малайцев в сфере бизнеса, с тем, чтобы они научились приобретать богатство и сохранять его. В сфере бизнеса стало обычным делом плодотворное сотрудничество между представителями различных рас.

В тот период возникло выражение «Али-Баба» – так называли одно из самых распространенных злоупотреблений льготами, предоставленными в рамках НЭПа. Многие малайцы становились подставными лицами в так называемых «совместных предприятиях», в которых они являлись чисто номинальными партнерами. Многие из них разбогатели путем перепродажи своим партнерам (как правило, китайцам) по совместным предприятиям тех контрактов и лицензий, которые выделялись им только потому, что они были малайцами. Их-то и называли «Али-Баба».

Хотя этнические различия ощущались, люди больше не относились друг к другу с таким предубеждением, как ранее. Возможно, для возникновения расовой напряженности в 50-60-ых годах были и другие причины, но, по крайней мере, те из них, которые можно было бы отнести на счет неравенства в распределении национального богатства, удалось в значительной мере ликвидировать.

Однако вроде бы отлаженный механизм в последнее время стал давать сбои. Религия и язык — чувствительные темы в многонациональном и многоконфессиональном обществе Малайзии. Политические обозреватели с тревогой говорят о растущей исламизации страны и поляризации общества, где основные этнические группы в последние годы взаимодействуют значительно менее активно, чем раньше.

Преобладание шариатских законов над гражданским кодексом вызывает тревогу у представителей религиозных меньшинств. Юридически спорные ситуации возникают, к примеру,

когда речь идет о вопросах перехода из одной религии в другую и смешанных браках.

Бывший премьер-министр Малайзии Махатхир Мохамад обвинил правительство в том, что оно использует ислам ради извлечения политической выгоды на выборах, вызывая тем самым все большую напряженность на религиозной и расовой почве в мультиэтнической Малайзии.

Решения, принимаемые правительством и исламскими судами в участившихся межконфессиональных конфликтах, в последние годы обычно заканчивались победой мусульманской стороны.

«Официально мы не исламское государство, но мы и не светское государство. По определению, которое признается большинством международных обществ, Малайзия является исламским государством», – заявил Махатхир в беседе с журналистами. «Но это не означает, что немусульмане лишены своих прав», – добавил он.

Однако находящиеся в меньшинстве этнические китайцы и индийцы все чаще высказывают опасения в связи с тем, что к их религиям относятся как к второразрядным.

Нужно отметить, что в сложившейся ситуации есть все основания для беспокойства. С момента обретения независимости государственная политика в Малайзии укрепляла групповую идентичность, особенно среди этнических малазийцев – исключительно мусульманской группы населения. Особый статус этнических малазийцев, закрепленный государственной политикой, утверждал их права на контроль над землей, языком и религией. Все попытки уменьшить их влияние приводят к мобилизации этой группы населения, как в этническом, так и в религиозном смысле.

Однако по мере вливания Малайзии в глобальную экономику они могут лишиться этих привилегий ради повышения конкурентоспособности страны. В результате многие мусульмане-малазийцы все больше опасаются потери привычных экономических и политических гарантий. В частности, растет напряженность между малазийским большинством и крупным китайским меньшинством, которое извлекло большую выгоду из «открытия» экономики Малайзии миру.

Ситуация, при которой даже небольшие разногласия гипертрофируются, может привести к дестабилизации обстановки в стране и разрушить столь хрупкую расовую гармонию.

Малайзийцам предстоит научиться контролировать силы, разобщающие различные группы населения страны. Защита многокультурного национального самосознания перед лицом религиозной нетерпимости является главной задачей для малайзийского государства и общества.

¹ Tim Lindsey, Helen Pausacker. Chinese Indonesians: Remembering, Distorting, Forgetting, Singapore, 2005, p.14.

² The Jakarta Post, 14.02.1999.

³ П.М. Мовчанюк. Китайское меньшинство в независимой Индонезии. Наука, М., 1984, ч. II, с. 135.

⁴ Marleen Dieleman. The rhythm of strategy. Amsterdam University Press, 2007, p. 90-92.

⁵ GlobeAsia, August 2007, p. 30-32.

⁶ GlobeAsia, August 2007, p. 20-24.

⁷ Lenta.ru, 16.12.2007.

⁸ Известия, М., 12.02.1998, №2.

⁹ PILARS: «SBKRI: Diskriminasi Etnis Cina», 27 Juli 2003, №15.

¹⁰ Независимая газета», М., 25.06.1998.

¹¹ Kompas, Jakarta, 31.01.2003.

¹² M.V. Hooker. Law and the Chinese in Southeast Asia. ISEAS 2002, p.131.